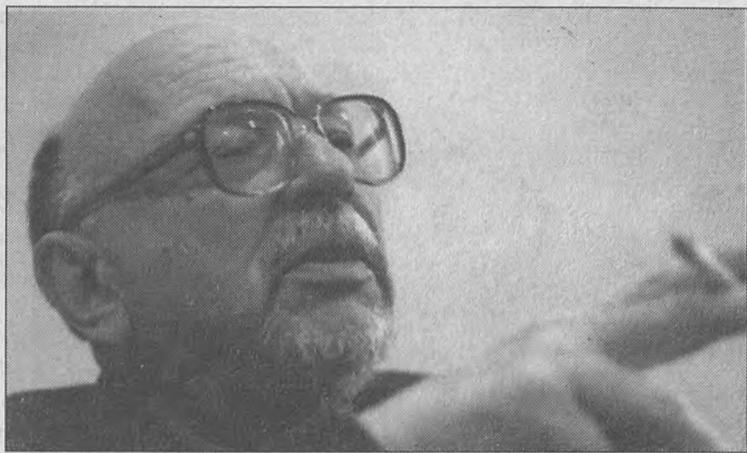

Толерантность ПО-ПОЛЬСКИ

Экран и сцена. — 1999. — дек. (№ 51). — с. 4

Анна АНОСОВА

было своего общежития и девушки обитали в Новозачатьевском — по comments — монастыре, когда мастерские создавались традиционно интернациональными, например, в их мастерской было семь румын, семь венгров, два поляка, один чех, один монгол и сборная всех пятнадцати республик.

Общезвестно, что М. Ромм в основании пирамиды качеств, необходимых кинорежиссеру, ставил здоровье, здоровье и еще раз здоровье. О. Чинаурели расставлял для своих студентов схожие приоритеты: талант — на втором месте, владение профессией далее, а на первом — психофизическая выдержка, иными словами, опять же здоровье. И действительно, одно время профессия режиссера в социологическом реестре профессий с самой высокой смертностью стояла на втором месте после летчиков-испытателей. Сейчас все перевернулось. Похоже, кинорежиссеры постепенно перемещаются в ранг долгожителей. А все потому, что культивирование в себе стойкой психики и бойцовских качеств привело к тому, что режиссеры быстрее остальных приспособились к «агрессивной среде», коей в современных условиях стала для человека жизнь тире стресс.

Кто-то назовет несчастье стрессом, а безудержное горе — большим стрессом. Сильный же человек назовет стресс проблемой и попробует ее решить. Ежи Гоффман делился со студентами опытом, как он решал проблемы.

В конце двадцатых годов у нас в кино существовало явление, именуемое сценарным голодом. Сейчас в Польше, по словам Гоффмана, не то чтобы сценарный голод, а только сценаристов нету, — слава достается режиссеру, а славу в денежном эквиваленте кинематограф оплатит не в состоянии. Потому и писал сценарий для своего фильма режиссер сам. За одиннадцать лет — девять вариантов сценария. Шло время, менялся киноязык, менялся зритель, переписывался и сценарий — по его версиям, как по годовым кольцам дерева, можно было бы проследить, как проходили эти изменения. У какого сценариста достанет на это сил и терпения?

Упомянув о мифе славянской души, сказал, что он — скорее изобретение западной кинокритики, а то, в чем они его видели: неторопливость и широта повествования, длинные кадры, панорамы, — по большей части было результатом нищеты социалистического кинопроцесса: монтировать было не из чего. Не стесненный на своем последнем фильме в количестве пленки и камерах, Ежи Гоффман с восторгом и нескрываемой гордостью рассказывал, что пригласил двух молодых монтажеров, которые сделали ювелирный компьютерный монтаж с рекордным, по крайней мере, для его личного опыта, количеством склеек.

В заключение мастер оснастил начинающих режиссеров, пообещав, что когда они придут в большое кино, зритель к тому времени вернется в кинозалы. В скобках заметим, что этот оптимизм пан Ежи Гоффман вынес из времен своей юности: в тот

год, ставший «дном» для польского кинопроката — 1 фильм в год, — он учился во ВГИКе, как раз на втором курсе, а начало его карьеры в кино уже выпало на подъем индустрии и еще какой. Но помимо удачно сложившейся исторической ситуации в те далекие пятидесятые годы, имеются и более твердые основания в настоящем. Семь лет назад в Польше большим успехом считалось, если фильм посмотрело 100 тысяч. А теперь его фильм «Огнем и мечом» за считанные месяцы посмотрели миллионы.

Фильм «Огнем и мечом» — заключительная часть трилогии, снятая по романам Генрика Сенкевича. «Пан Володыёвский» был снят в 1969 году, «Потоп» — в 1974-м. Ожидание выхода последней части затянулось на десятилетия. «За 15 лет я снял один небольшой фильм», — говорит Гоффман. «Небольшой» — это ирония, так как фильм длится 3 часа. Двенадцать минут на год. Двенадцать минут, двенадцать месяцев — по минуте в месяц.

Гоффман посвятил свой фильм жене Валентине, которая, не дожив месяц до премьеры, все эти годы оставалась его музой-кариатидой: всегда поддерживала, ни на миг не давала ему усомниться в собственных силах и таланте. По тому, как он говорит о ней, кажется, что она и сейчас еще поддерживает его. Именно она заметила, что для того, чтобы быть великим, ему не хватает одной вещи — у него нет комплексов. И как любящая женщина оказалась права. Человек без комплексов — что птица без полета. Комплексы, как это ни парадоксально, — это человеческие крылья. Но, глядя на полнокровного Ежи Гоффмана, понимаешь, что ему и на земле живется неплохо.

Первый раз Сенкевича Ежи Гоффман прочел на Алтае, в ссылке, куда мальчиком попал в сороковом. Детское воображение проецировало картины, описываемые Сенкевичем, на берега Оби, а в людях, встречавшихся в тех местах, видело живое воплощение героев земляка.

События, описываемые в романах, относятся к 17 веку, когда после смутного времени и посягательства Польши на русский трон столкнулись интересы Речи Посполитой, Руси, Украины, крымских татар и Швеции. Поляков и украинцев воспоминания о тех событиях ранят и по сей день. Еще совсем недавно в московском издании 1990 года в предисловии уточнялось, что трактовка Сенкевичем исторических событий «расходится с нашим сегодняшним их пониманием: автор освещает их с точки зрения роли в судьбах Речи Посполитой». В школах нам, разумеется, говорили о тройном — религиозном, национальном и крепостническом — гнете братского украинского народа и о прогрессивном значении присоединения Украины к России.

В Польше выхода фильма опасались, против него выступали даже самые явные демократы страны, — все боялись, что фактом его выхода «будет выкопан топор войны между Украиной и Польшей». Гоффман, проповедующий терпимость во всех

формах, стремился показать обе стороны одинаково: чтобы доблесть одной стороны зеркально отражалась в доблести другой, честность — в честности, жестокость — в жестокости, пороки — в пороках. Даже песня, взятая для финала, выразила некий дуализм, способность и объединять и разъединять: украинцы считают ее украинской, поляки — польской. Даже флаги противоборствующих сторон одинаковых цветов — бело-красные (хотя здесь тоже при желании можно поспорить: бело-красные или красно-белые, помните анекдот про зебру?). Режиссер так старался быть непредвзятым, что заработал обвинения в том, что продался Украине.

«Я не верю в дружбу народов, — говорит Ежи Гоффман, — я верю в дружбу людей». Так Толстой с детской беззаветностью верил, что все человечество любить нельзя, а можно только отдельного человека.

Но даже такая остро политическая тема нужна была Гоффману лишь как исторический фон, чтобы в полную мощь развернуть человеческие страсти, предмет его подлинного интереса. Булящие страсти, а не теплые чувства: любовь, ревность, ненависть, жажду власти. Его жизненное кредо — очень любить и очень ненавидеть. Страх перед апокалиптическим грехом быть теплым.

Героев Сенкевича, почувствовав в них своих собратьев по духу, он, вероятно, полюбил именно за это. Все они очень сильно любят и очень сильно ненавидят. Любовь для них — высший ценностный критерий, она оправдывает самые черные дела. Любовь — страсть, способная порождать другие страсти.

За любовь Елены Прекрасной столкнулись эдакий польский Машков — мужественно-прямой взгляд из-под широкого чистого лба — и наш добрый хлопец Александр Домогаров. Каждый из них выражает свою любовь по-своему, но в пределах приличия того времени. Казак Богун убивает всех четырех кузенов своей возлюбленной, которые были ему как родные братья, берет и предает огню целые города, спасает девицу и скрывает ее в логове ведьмы, ожидая, когда передышка в ратных подвигах позволит обвенчаться со строптивой княгиней, потому как кодекс чести не позволяет ему неволевать девицу до брака, зато после официальной «росписи» о чувствах девушки можно будет не заботиться и брать свое, положенное по закону. Пана Яна Скшетуского по сравнению с ним только то и оправдывает, что Елена любит его без памяти, поскольку получает от нее в невесты от родственников, по-нашему говоря, угрозы и шантаж.

Памятуя о радении Гоффмана за сращивание поколений в рамках кинокультуры, становится понятным обилие аллюзий на литературные и кинематографические источники, узнаваемые самыми разными поколениями. Это и «Капитанская дочка», где в сцене спасения государственного преступника роль Гриневича играет Скшетуский, роль Пугачева — Богдан Хмельницкий, а незавидная роль Швабрина выпадает Богуну. Крымские же татары своим, почти сказочным появлением в лесах Польши напоминают индейцев по дороге в Чичеститу в феллиниевском «Интервью».

Пан Гоффман рассказывал о семилетнем мальчике, который смотрел телевизор и комментировал: сейчас будет это, а сейчас это... но когда он спросил его: «ты что, уже видел этот фильм?», мальчик ответил, что нет, — в свои семь он посмотрел столько фильмов, что вполне может предсказывать будущее, правда, только киношное. Именно для таких зрителей был сделан начальный титр, когда из огненной полосы вырастают грозные буквы «Огнем и мечом» (тиньджеры вполне могли обмануться, ожидая «Судного дня»). А чтобы потешить их самомнение

предсказателей при каждой рискованной ситуации, в последнюю минуту приходят «наши» и спасают героев. Сами герои претендуют на то, чтобы стать польской версией четверки мушкетеров: Д'Артаньян (пан Скушетуский), Атос (пан Володыёвский), Портос (пан Заглоба и немножко даже сам Ежи Гоффман, ну и для теплоты компании — Фальстаф) и Арамис (пан Подбиятка), правда, перевернутый, потому что если Арамис был среди четырех французских сердец, то пан Подбиятка — самым безобидным, поскольку дал обет целомудрия, пока не сорвет одним ударом три головы.

Когда герои не печалятся о судьбах каждый своей родины, они сплют шуточками в духе Рабле и Шекспира. В этом весь Гоффман, который с вызовом заявляет, что не стыдится плакать и смеяться в кинозале. Плакать и смеяться, смеяться и плакать — вот удел человеческий по Гоффману.

Каждый ребенок знает, что главного героя и его самого злейшего врага весь фильм сохраняют живыми только для того, чтобы в конце столкнуться в смертельной схватке, в которой враг должен погибнуть, и другого пути нет. Когда победивший Скшетуский отпускает побежденного Богуну, зная, что тот снова встанет на противоположную сторону, Гоффман хотел показать, что в те времена уважали доблесть и умение война, даже если он был врагом. Но в ту минуту он еще наверняка подумал о том семилетнем мальчике, который знал все наперед. Подумал, что того мальчишку он точно обыграл, и хитро улыбнулся.

От рецензии на фильм всегда ждут ответа: фильм хороший или плохой? Но как ответить о фильме, режиссер которого настоятельно просит остерегаться от высказываний о чем бы то ни было: это хорошо, а это плохо. Он считает, что человек вправе говорить: это мне нравится, а это мне не нравится, — и только. Объективизма для него не существует. Но значит, нет и истины, потому что истина не есть арифметическая сумма согласных с нею. Такая позиция может показаться весьма циничной, если не учитывать одной вещи. Ежи Гоффман потому и говорит об этом так смело и свободно (если, конечно, исключить отсутствие у него комплексов, о чем говорилось раньше), что он — хороший человек («хороший дядька», — услышала я после мастер-класса и знала, что это говорят о нем), это и является гарантией того, что его «нравится» и «не нравится» не разрушат мир. Потому-то при отсутствии у него доверия к объективности, для него так важна толерантность. Частное мнение становится главным нравственным критерием, главным, но не главенствующим, а равным другим частным мнениям, а это невозможно без терпимости всех ко всему (новый виток идеализма?).

Представляя свой фильм пан Ежи Гоффман, между прочим, заметил, что в середине 17 века Польша — Речь Посполитая — была самым большим и самым демократичным государством Европы. Я вдруг вспомнила, что самой большой Польша была за счет Украины, Белоруссии и оттянутых у нас Смоленска и Чернигова, но тут Гоффман заговорил о том, что нужно уважать другие народы и культуры: «У нас в Польше это называется толерантностью, что в переводе на русский означает терпимость», — и я тут же отреклаась от амбициозных притязаний на Смоленск, в котором даже ни разу не была, потому что сразу вспомнила Сибирь и народы Севера.

— Я думаю, что я вам осточертел абсолютно, — произнес положенную по протоколу заключительную шутку пан Ежи Гоффман и помахал красной гвоздикой, стойким символом дня Великой Октябрьской революции, переименованным, кстати, в День согласия и примирения.

● Ежи Гоффман